

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Чесноковой Леси Владимировны «Метафизический страх и тоска в немецкой и русской культурах», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 — философская антропология, философия культуры

Диссертационное исследование Л.В. Чесноковой обращает на себя внимание помимо прочего нетривиальным выбором темы. Конечно, большая философская наука неизбежно приковывала свой взгляд к проблематике страха и тоски, придавая ей различные коннотации – и экзистенциальную, и социальную, и антропологическую, и метафизическую, однако особое значение эта проблема приобретает в контексте сравнения немецкой и русской культур. В свете напряженной ситуации во взаимодействии государств и политик, свидетелями которой мы все являемся, возрастает необходимость исследования таких феноменов или явлений, которые могут оказаться фундаментом, обеспечивающим единство народов и их культур. Очевидно, что рассматриваемая в этом ракурсе тема не может не остаться незамеченной и потому как всякая любопытная с научной точки зрения работа, вне всякого сомнения, нуждается в нашей поддержке.

Актуальность философской проблематики – почти любой – неизбывна. Своевременность исследования метафизического страха и тоски объясняется многими обстоятельствами, но важнейшим следует признать необходимость изучения закреплённости состояний страха и тоски в менталитете и национальном характере разных народов. Возможно ли страх и тоску признать универсальным свойством (либо константой) для многих культур или они таковыми не являются? Диссертант на страницах своего исследования увлечен концептосферой и языком как основными репрезентантами страха и тоски и последовательно использует для демонстрации своей идеи наработки, например, лингвокультурологии, лингвистики, теории языка. Актуальна не только тема, оказавшаяся

привлекательной для диссертанта, но и выбор ключевого исследовательского направления, а именно междисциплинарного. Для самодостаточной философской науки междисциплинарный уровень осмысления проблемы чрезвычайно важен и открывает гораздо больше возможностей для научных обобщений. Именно поэтому исследование Л. В. Чесноковой можно признать своего рода образцом использования потенциала различных наук и знаний в отстаивании своей позиции.

Конечно, после прочтения первой главы диссертации у меня возникло некое подозрение относительно того, что название работы не совсем точно отражает смысл всего исследования: речь в большей степени идет именно о *концептах* страха и тоски и их «схваченности» средствами человеческой культуры. Метафизический страх и тоска, по моему представлению, коренятся в глубинах сознания, духа и души, и поэтому слабо уловимы рациональным мышлением. Философия в таких обстоятельствах должна сказать веское слово, и я ожидал, что автор диссертации в большей степени сделает упор на исследование ментальности, особенностей преломления тех или иных культурных универсалий в различных национальных культурах и средах, однако этого не произошло.

С другой стороны, именно концепты страха и тоски, поскольку все же о них ведется речь в диссертации, конечно, соотносимы с языковой природой человеческого бытия и приживаются во всякой культуре прежде всего, становясь, по сути, ее обязательными признаками. В этом смысле богатый материал языкознания и философии языка, позволивший автору применить к характеристике своего предмета категории концепта и концептосферы, а не, скажем, таких категорий как культурная универсалия или духовная константа, в большей степени отвечает задачам всего исследования. Поэтому следует согласиться с диссертантом и признать логичность и важность применения в качестве основных категориальных систем концепта и концептосферы. Тем более, что в выводе к первой главе звучит тот основной рефрен, который предваряет обращение к богатейшему наследию русской и

немецкой культур, в которых укоренились концепты страха и тоски; в частности, Л. В. Чеснокова отмечает, что «специфика концептов объясняется исторически закрепленными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей культуре. Совокупность концептов образует концептосферу народа. Различия между культурами проявляются в предпочтении различных признаков при концептуализации мира. Объяснение таких предпочтений требует обращения к истории, психологии, философии того или иного народа. Исследование национальной концептосферы является одним из способов выяснить уникальность и особенности данной культуры» (с. 31).

В поиске социокультурных маркеров идентичности гуманитарии все время скользят на поверхности – вопросы эти дискуссионные, сложные, ответы получаются противоречивые, подчас малоубедительные. Тем ответственнее должна быть позиция философа и тем скрупулезнее и дальновиднее должен быть предлагаемый ракурс изучения проблемы. Мне кажется, что Л. В. Чесноковой в полной мере удалось написать актуальную работу, в которой вне всяких сомнений присутствуют все необходимые для философского труда атрибуты: живое слово, вечная тема, уважение к классике и критика современников, эмоциональность и впечатлительность, но в рамках дозволенного со стороны требований научности.

Автор диссертации на протяжении всей работы придерживается мысли о том, что страх и тоска многократно воспроизводятся в русской и немецкой культурах на уровне соответствующих концептов и составляют концептосферу культуры, и главное – что этот процесс нуждается в сосредоточенном философском осмыслении. И здесь как раз проявляется предмет исследования – метафизический страх и тоска, по сути, загадка бытия, которая воплощается в языковых концептах: как пишет диссертант, «непереводимость немецкого слова "Angst" на русский язык определена не языковыми, а культурными факторами: Angst (метафизический страх) является культурной лакуной» (с. 8).

Слова страх и тоска и в обыденном-то употреблении сами по себе

нагоняют тоску и способны вызвать негативные ассоциации, а если же они рассматриваются в русле безграничного вселенского пессимизма, то и тем более. Люди всегда испытывают страх и предаются тоске, философы, чуткие и ранимые люди, нередко переживают и другие крайние формы этих состояний – и ужас, и хандру. Но именно эти состояния иногда формируют особый тип мировоззрения или подталкивают к определенным решениям и поступкам. Но почему автор ведет речь о метафизическом страхе и тоске? Этот вопрос является, по моему мнению, едва ли не ключевым для всей работы Л. В. Чесноковой. Посмотрим, какие же аргументы выдвигает диссертант для убедительного подтверждения своей главной идеи.

В диссертации я ощутил довольно продолжительное вступление к тому, где мы можем почерпнуть сведения о том, что же такое метафизический страх. Пожалуй, при первом знакомстве с диссертацией именно это и было главной интригой: поскорее узнать, что вкладывается в это понятие и как автор намерен аргументировать свою научную позицию. Но анализируешь работу в целом и осознаешь продуманность и выверенность шагов исследователя. Так, автор методично приближает нас к сути рассматриваемого феномена. Сначала речь идет о страхе вообще, затем появляется немецкое слово *Angst*, обозначающее в переводе метафизический страх, но пока не проясняющее сути феномена, и к тому же, как поясняет диссертант, данный концепт *Angst* является культурной лакуной, далее возникает понятие эмпирического, экзистенциального, трансцендентного страха, на странице 41 читаем: «Наиболее широкое понятие – это метафизический страх как имеющий отношение к проблеме бытия, противоположность эмпирическому страху». Пока еще чувствуется, что автор затягивает с прояснением ключевой категории всей работы, но приближает нас постепенно к своей основополагающей трактовке. Образно выражаясь: и я стал испытывать в этот момент страх за диссертанта: а не забыла ли Л. В. Чеснокова о своей главной задаче, в соответствии с которой нужно описать метафизический страх и тоску как ключевые концепты немецкой и русской

культур. И хотя в списке задач эта стоит на пятом предпоследнем месте, она, на мой взгляд, является едва ли не основной. Между тем в ожидании авторской позиции мы приблизились к части работы под названием «Немецкая и русская философия об онтологических основаниях страха». С этого места авторская позиция, пожалуй, зазвучала в полный голос.

Гегель, Шопенгауэр, Ницше, Фрейд, Кьеркегор, Хайдеггер, а вместе с ними Бердяев, Флоренский, Шестов, Франк в концепции диссертанта предстали как столпы в осмыслении метафизического страха. Дело исследователя – уловить историко-философские, психологические, социокультурные грани этого противоречивого человеческого состояния; очевидно, что Л. В. Чесноковой в полной мере это удалось. Довольно интересными и новаторскими являются ценностно-смысловые реконструкции страха и тоски средствами языка. Так, например, автор утверждает на с. 71: «Признаком национального концепта является его связь с другими концептами <...>. Так же как основополагающие русские концепты (тоска – удаль – простор – воля) связаны между собой, так же связаны и основные концепты немецкой культуры (Angst – Ordnung – Heim)». Такие реконструкции удались диссертанту, и они составили неоспоримую ценность всей работы. Особенно показательны примеры, которые демонстрируют связь эпохальных исторических событий с массовым страхом, как гипнозом поражающим времена и нравы, проходящим через сознание и души миллионов людей. В эпоху массовых страхов произошла Реформация, преобразовавшая западноевропейское общество, как отмечает исследователь (с. 79). Заслуживают внимания попытки объяснить, почему именно в немецкой и русской культурах в отличие, например, от английской или французской, страх имеет более глубинное и емкое с точки зрения языка и других форм культуры закрепление.

Всё бы ничего, но к метафизическому страху примешивается тоска и обойти ее вниманием было бы сомнительным с научной точки зрения достижением. Как оказалось и немецкий, и русский языки обладают просто

неистощимым запасом слов на тему тоски. А какое же веское слово сказано в этой части диссертантом – какова глубина философской рефлексии по поводу проблемы тоски в рассматриваемых концептосферах? Здесь автору можно было бы попенять на излишнюю увлеченность филологией вместо философии, однако Л. В. Чесноковой в целом удалось справиться с соблазном поманипулировать этими во многом схожими, но все же принципиально различными областями познания мира и человека. Отмечу, что философский анализ не выглядит поверхностным, подкрепляется широкой философской эрудицией автора, в то же время ему не чужд дух эссеистики, что, на мой взгляд, выглядит применительно к рассматриваемому труду вполне органичным. На с. 104 можем обратить внимание на фрагмент «Таким образом, мы пытаемся усыпить тоску, создавая некий эрзац бытия. Но обмануть тоску не удастся. Там, где она настаивает, ее действие подобно действию метафизического страха: она вынуждает отказаться от суетности неподлинного бытия и решиться на подлинность существования». Здесь очевиден настрой диссертанта преодолеть эту тягу страха и тоски, вне всякого сомнения, сказавшейся бы на любом человеке, поставившим перед собой непростую цель исследовать данные феномены.

В сравнении проявлений страха и тоски в немецкой и русской культурах мне видится основной новаторский подход диссертанта: эти состояния формируются полистилистикой эпохи (например, романтизмом), они обладают яркими отличительными чертами по отношению к английскому или французскому вариантам концептосферы, воплощаются практически во всех видах искусства и творчества, в мифологии, языке, религии, т.е., по сути, пронизывают всю духовную сферу человеческого бытия.

Достоверность результатов исследования подтверждается следующими обстоятельствами: адекватным и целесообразным выбором методологических оснований – системный и междисциплинарный подходы позволили автору обеспечить решение задач в полном объеме; участием автора в переводе первоисточников, что повышает ценность и достоверность проводимых

языковых реконструкций; наличием принятых ссылок на цитируемую литературу; достаточным уровнем использования соответствующей научно-исследовательской литературы по заявленной теме и по проблемам, имеющим непосредственное отношение к диссертации Л. В. Чесноковой (всего используется 254 источника, что для кандидатской работы более чем достаточно).

Материалы рассматриваемого диссертационного исследования получили достаточную апробацию и нашли отражение в 15-и авторских публикациях в научных сборниках, материалах научных собраний и журналах, в том числе в 7-и изданиях, включенных в перечень изданий ВАК. Все публикации соответствуют теме диссертационного исследования и в достаточной степени отражают авторскую позицию в обозначенной проблеме.

В целом работу Л. В. Чесноковой можно признать состоявшимся диссертационным исследованием, имеющим свою логику научного поиска, самостоятельный взгляд на заявленную проблематику, новизну представленных результатов и их теоретическую и практическую значимость.

Вместе с тем диссертанту не удалось избежать некоторых противоречий или недостатков, которые однако не снижают концептуальной ценности исследования.

1. Несмотря на внушительный библиографический список, который я расцениваю как способ подтвердить достоверность авторской исследовательской позиции, он все же обладает одним существенным недостатком, объяснить который лично мне сложно. Имеется в виду использование довольно устаревшей литературы, помимо, разумеется, философской классики. В списке отсутствуют источники позднее 2010 года, за исключением двух или трех работ. Полагаю, что такое упущение диссертанта снижает культуру исследовательского труда и в целом заметно обедняет диссертацию.

2. В первой главе, посвященной исследованию концепта как

структурно-образующей единицы философского знания культуры, доминируют лингвистические обобщения и совершенно не ощущается почерк философа, а между тем именно в начале всего исследования необходимо задать тональность в оценке основных категориальных систем – метафизического страха и тоски. Однако в этой части работы о них почти не упоминается.

3. Вызывает вопросы и структура работы. Конечно, присутствие союза «и» в заглавии работы – а в нашем случае это «метафизический страх и тоска» – толкает нередко исследователей к не совсем верной логике построения материала: сначала скажут об одном предмете исследования (как правило, в отдельной главе), потом о другом (в следующей главе), а собственно места для цельного сравнительного анализа почти и не остается. Полагаю, что в случае с рассматриваемой диссертацией произошло именно это: вторая глава посвящается изучению метафизического страха, третья – изучению тоски в немецкой и русской культурах. Но важно показать все хитросплетения этих концептов в системном сопоставлении друг с другом.

Отмеченные недостатки, однако, не снижают общей положительной оценки диссертационной работы Л. В. Чесноковой.

Положения, выносимые автором на защиту, представляются обоснованными и подтвержденными в ходе теоретического анализа проблемы. Содержание автореферата в основном соответствует содержанию диссертации.

Таким образом, диссертация «Метафизический страх и тоска в немецкой и русской культурах» является научно-квалификационной работой, вносящей вклад в развитие философии культуры, что соответствует требованиям пункта 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Чеснокова Леся Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 –

философская антропология, философия культуры (философские науки).

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой общей социологии
Алтайского государственного университета

Е. А. ПОПОВ

15 марта 2016 г.

Подпись Попова Е. А. заверяю:
Ученый секретарь Ученого совета
Алтайского государственного университета

М. А. ДЕМИНОВА

Попов Евгений Александрович
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Алтайский государственный
университет». Кафедра общей социологии. 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова,
д. 66, к. 502. Тел.: +7(3852)366-378. E-mail: asusocio@yandex.ru